

Артур Лейвин

Глаза Кезесса стали лавандовыми, когда он внимательно осмотрел меня. Постояв немного, он удовлетворенно кивнул. "Наше сотрудничество предполагает определенные условия. Я верю, что-то, что ты ответишь мне взаимностью, отражает благодарность, а не является пустыми словами".

"Конечно", - с легкостью ответил я. В конце концов, если я буду отвечать взаимностью на твое поведение, то в долгу не останусь.

"А теперь, может быть, ты расскажешь мне подробнее о своем разговоре с Олудари", - сказал Кезесс, покидая Путь Озарения и становясь рядом с ним. Он жестом указал на потрепанное кольцо в камне. "И еще, я думаю, нам уже давно пора возобновить передачу твоего эфирного понимания, как мы и договаривались".

"Давать и брать", - сказал я, повторяя его слова. "Учитывая, что драконы не смогли защитить народ Дикатена от своего кровавого конфликта, мне кажется несправедливым требовать от них выполнения своей части сделки".

Кезесс слегка нахмурился, и его губы скривились, когда он открыл рот, чтобы ответить.

Я поднял руку. "Но я прихожу не с пустыми руками. Наоборот, у меня есть информация другого рода".

Пока мы разговаривали, я тщательно обдумывал этот момент. Откровенный отказ сообщить Кезессу новые сведения привел бы к конфликту, который я не готов был доводить до конца, но если я подчинюсь его требованиям, не встретив противодействия, я разбалансирую наши шаткие отношения и дам ему большую власть надо мной.

"У Сильви видения", - сказал я без предисловий.

Глаза Кезесса потемнели, он уставился на меня, но не перебил.

Я объяснил все, начав с самого видения, а затем подробно рассказал о событиях после ее перерождения, включая припадок и то, что она испытала во время него - правда, я опустил ту часть, которая касалась ее переживаний в Реликтомбах.

Когда я закончил, Кезесс отвернулся и уставился в одно из окон, опоясывающих башенную палату. Три молодых дракона гонялись друг за другом по горным скалам, словно тренировали боевую технику. "Надо было сразу привести ее ко мне. Здесь я, возможно, смогу ей помочь. Но таскаться по Дикатену в качестве твоего домашнего питомца..."

Он повернулся, и его глаза стали похожи на фиолетовые молнии. "Сильви должна быть осторожна. Драконы редко получают такие видения, как ты описываешь. И любое непреднамеренное использование ее эфирных искусств может привести к ужасным последствиям. Судя по тому, что ты рассказал, похоже, повезло, что вообще смогла выбраться из этого мира грез".

"Она уже прошла долгий путь в своем понимании. Я подумал, что, возможно, она сможет найти дополнительное обучение здесь, в Эфеоте... если мы оба будем уверены, что она в безопасности".

"В безопасности?" Кезесс произнес это слово, острое как лезвие. "Будет ли моя внучка в

безопасности здесь, на месте моей власти? Что за понятия у тебя, Артур. Неужели ты действительно считаешь меня настолько ужасным, что в твоих глазах я представляю угрозу для собственной крови?"

"Прошу прощения за такую формулировку", - умиротворенно ответил я. "Конечно, я имел в виду, что ей будет предоставлена та же свобода, что и сейчас, - приходить и уходить, когда ей заблагорассудится, продолжать участвовать в войне против Агроны, чтобы..."

"Да, да, я понимаю", - сказал он, прерывая меня и отмахиваясь от моих слов. "Если вам обоим будет спокойнее, то даю слово, что не запру свою внучку в самой высокой башне и не позволю больше выходить с тобой, если проявишь ошеломляющую доброту... разрешишь ей посетить это место".

Кезесс затаил дыхание, и в его внешнем облике произошел едва заметный сдвиг. "Я принимаю эту информацию в обмен на время на Пути. По правде говоря, времени на это все равно было бы мало. Здесь должна состояться церемония почтения и возвращения дракона, павшего в Дикатене. Как владыка клана Матали, я проведу церемонию в мавзолее своего клана, а затем ее останки будут возвращены в их родовой дом для достойных похорон".

"Понятно", - сказал я, переключаясь на следующую мысль. "Там погибли многие, но смерть одного человека не уменьшает последствий гибели любого другого. Я, конечно, сожалею о вашей потере. Если Виндсом будет так любезен вернуть меня на Дикатен, я уйду от вас".

"Напротив, - сказал Кезесс, слегка приподняв брови, - я хотел бы, чтобы ты присутствовал на этом мероприятии".

"С какой целью?" спросил я, будучи сбитым с толку его неожиданной просьбой.

"Как представитель вашего народа, ради которого эта воительница-дракон пожертвовала собой, это было бы большим проявлением уважения", - объяснил он.

Я обдумал его слова и их смысл. Теперь он отправил двух асур на смерть в Дикатене, подумал я, понимая, что это должно повлиять на отношения Кезесса с этими кланами. С политической точки зрения ему было бы выгодно выставить меня перед этими асурами, но я не мог не согласиться с его логикой. Хотя я все еще был в ярости на драконов за то, как они обошлись с преследованием Олудари, они все же были моими союзниками, и проявление уважения в этот момент могло помочь сохранить это положение.

И хотя мне казалось расчетливым даже думать об этом, я понимал, что это уникальная возможность оценить, как другие асуры относятся к решениям Кезесса и войне с Агроной.

"Конечно. Это большая честь для меня", - сказал я, собравшись с мыслями.

"Без торга и споров? Может быть, мы все-таки к чему-то пришли?" - сказал Кезесс, его бровь приподнялась на сантиметр. "Мавзолей готовится прямо сейчас".

При этих словах башня неловко дернулась, и мы оказались в обширном зале, полностью высеченном из белого камня. Колонны тянулись по всей длине, а стены были уставлены статуями, картинами и небольшими сооружениями, похожими на... гробницы. В центре зала возвышался большой мраморный стол, на котором покоилась закованная в броню фигура.

По залу торопливо сновали слуги, но при нашем появлении все они остановились, глубоко поклонившись. Кезесс слабым жестом отстранил их внимание, и они поспешили вернуться к

своим делам.

Я с любопытством наблюдал, как одна молодая асура выдохнула облачко углей. Они застыли в воздухе вокруг нее, и она стала отщипывать угли один за другим и раскладывать их в углу камеры. В результате появились десятки тускло мерцающих огоньков, дающих мягкий, но теплый свет. Неподалеку от него под потолком парил человек, с его руки свивались темные лианы, которые цеплялись за камень. По мере того как он медленно плыл, лианы разрастались, опускаясь до самого пола. За ним появился еще один слуга, шепчущий лианам. По мере того как он говорил, на лианах появлялись листья - идеальные осенние листья приглушенного красного, коричневого и оранжевого цветов.

Еще больше людей несли всевозможные блюда и напитки: одни - широкие золотые подносы, другие - огромные бочки с напитками, перекинутые через плечо. Один даже балансировал несколькими десятками золотых тарелок и кубков на маленьких вихрях, которые тянулись за ним, как вереница утят. В мавзолее витал аромат еды, навевая давние воспоминания о моем обучении здесь.

Я подошел к центральному столу, внимательно разглядывая убитую асуру. Она была похожа на свою сестру: длинные светлые волосы, белые пластинчатые доспехи. С левой стороны от нее лежал башенный щит, а с правой - длинное копьё.

Несколько секунд Кезесс молча стоял, опираясь рукой на край постамента. Не говоря ни слова, он повернулся и стал прохаживаться по внешнему краю мавзолея, разглядывая каждый артефакт своего клана, мимо которого мы проходили, и в конце концов остановился у большой фрески с изображением человека, очень похожего на самого Кезесса. Волосы были коротко подстрижены, он носил густую козлиную бородку и усы, но глаза и черты лица были практически идентичны.

"Твой родственник?" спросил я, глядя на картину.

"Один из древних членов нашего клана, который привел нас в Эфеот", - тихо сказал он.

Я сосредоточился на табличке под портретом. "Кезесс из клана Индрат, первый в своем роде. А какой ты по счету?" спросил я, приподняв бровь.

Его губы дернулись в подавленной улыбке. "Их было слишком много, чтобы сосчитать". Некоторое время он молчал, задумчиво глядя на фреску. "Мы, драконы, работаем с эфиром с тех самых пор, когда еще не было Эфеота. И никогда еще у нас не было такой возможности, как сейчас, углубить свои познания. Эта "божественная руна", Реквием Ароа, как назвал ее джинн, была весьма интересной, но ничего такого, что при достаточно глубоком понимании эфира, времени и ветви эвума нельзя было бы смоделировать без самой божественной руны. Мне нужно увидеть больше".

Я направился к следующей гробнице - богато украшенной резьбой конструкции из колонн, поддерживающих скатную крышу над безликим саркофагом, высеченным из холодного голубого камня, который мерцал, когда я двигался.

"Но я думаю, что дело именно в этом", - сказал я, позволяя своим глазам скользить по сверкающей гробнице, пока мои мысли неслись вскачь. "Джинны овладели искусством воплощения магических знаний в виде рун. Ты сам сказал, что именно так они сделали себя такими могущественными, какими были. Формы заклинаний, которые Агрона скопировал для своего народа, делают то же самое с маной, но поскольку маной гораздо легче управлять напрямую, придать ей форму и запечатлеть в виде руны тоже гораздо проще".

"Понятно", - размышляет Кезесс, становясь рядом со мной и прижимая ладонь к резному столбу. "Значит, эти "ключевые камни" - попытка джиннов превратить эфирное понимание в руну, которую можно поместить, открыв сам камень".

"Не совсем так", - пояснил я, тщательно упорядочивая свои мысли. "Сами по себе ключевые камни не выковыывают божественную руну. Они содержат... необработанную информацию, своего рода головоломку, решая которую, ты обретаешь понимание и формируешь ее. Но ключевой камень не обязателен для формирования божественной руны".

Его рот слегка приоткрылся, брови взлетели вверх по лицу, прежде чем он снова смог контролировать свое выражение, стирая удивление. "У тебя есть руны бога, которые не были сформированы ключевыми камнями?"

Помедлив, я кивнул. "Руна Разрушения". Я поднял руку, чтобы предотвратить предстоящий вопрос. "Она принадлежит не моей физической форме, а моему спутнику, Реджису".

"Значит, ты можешь... спонтанно проявлять божественную руну". Он сделал секундную паузу. "Получив достаточное представление о принципе, управляющем полученной силой?"

"Это я так понимаю", - подтвердил я.

Взгляд Кезесса заострился, и он переключил внимание на меня. "И это все?"

Я криво улыбнулся и направился к следующему артефакту - возвышающейся статуе стоической женщины, запечатленной в момент созерцания. Из мрамора теплого кремowego цвета она выглядела почти живой. Позади нас дракон спускался по лианам, чтобы скрыть портрет Кезесса Первого. К двум первым драконам присоединился еще один, и там, где они касались лозы, распускался черный цветок.

"Это так, но, надеюсь, ненадолго", - продолжил я, переходя к теме, которую надеялся затронуть в разговоре с ним. "Из четырех ключевых камней, спрятанных в Реликтомбах, я нашел три. Четвертый, однако, нельзя открыть без третьего, а тот был похищен у хранителя еще до моего появления. Довольно давно, или мне так кажется".

Глаза Кезесса перестали фокусироваться, он смотрел вдаль. "Я ничего не знаю об этих камнях, кроме того, что узнал от тебя и твоего путешествия по Пути Озарения. Но..." Он повернулся и пошел прочь от статуи в другой конец зала.

Там было устроено что-то вроде святилища. Горели несколько серебряных свечей, испуская сладковатый дым, который поднимался и обрамлял портрет, висевший на стене. На картине была изображена женщина с очень светлыми волосами, заплетенными в косу, которая обвивала ее голову, словно корона. Это была очень красивая женщина с утонченным и благородным взглядом. Я не сразу узнала ее, но когда взгляделась в ее переливающиеся лавандовые глаза, запечатленные на картине с потрясающей точностью, поняла, кто передо мной.

"Сильвия..." произнес я, задыхаясь от неожиданно нахлынувших на меня эмоций. "Я... никогда не видел ее в таком виде".

Кезесс легонько взмахнул рукой перед алтарем, и дым за клубился и закружился. Сквозь серебристый дым я увидел не женщину, а драконий облик, который я до сих пор представлял себе так же ясно, как если бы покинул ее только вчера: жемчужно-белый, покрытый светящимися золотыми рунами.

Затем дым рассеялся, и портрет вернулся к своему первоначальному виду.

"Странная штука судьба, Артур", - размышлял Кезесс, и тон, и выражение его лица были неразборчивы, когда он смотрел на изображение своей дочери. "Несмотря на нашу неспособность общаться и сотрудничать, я кое-что узнал от джиннов. Они обнаружили переплетение эфира и самой Судьбы, считая ее четвертым аспектом. Я всегда считал, что они должны были спрятать это знание в Реликтомбах. Я боялся, что Агрона завладел каким-то его фрагментом".

Его глаза перескочили на мое лицо. "Теперь я вижу. Четыре ключа, предназначенные для того, чтобы открыть в пользователе глубины прозрения, которые, в свою очередь, откроют путь к пониманию самой Судьбы".

Я замешкался, не зная, что ответить, но Кезесс издал маленький, знающий смешок.

"Нет нужды отрицать это сейчас. Я долго ломал голову над тем, что означает Реквием Ароа и то небольшое, что ты дал мне о другой руне. Сердце Мира... ода моей дочери, я полагаю?" Он несколько секунд внимательно рассматривал изображение Сильвии, прежде чем продолжить. "Теперь все понятно. Джинн, вместе с моей дочерью, отправил тебя в путешествие, чтобы получить контроль над самой Судьбой". Кезесс снова взглянул на портрет, и я впервые увидел, как в нем проступает настоящая печаль. "Последнее предательство Сильвии..."

"Не предательство", - твердо сказал я, встав напротив него. "Она знала, кто я, даже тогда. Она должна была верить, что это лучший путь вперед. Вы не смогли бы добраться до ключевых камней, как и любой агент, которого вы могли бы завербовать в Дикатене. Скольких людей ты послал бы на смерть в поисках ключей, если бы знал об этом раньше?"

"Сейчас это уже не имеет значения", - ответил Кезесс низким голосом. "Ты вообще понимаешь, о чем меня спрашиваешь?" Он отвернулся от образа Сильвии. "Помогая тебе, я тем самым потворствую получению тобой тех знаний, которые утаили джинны. Но чтобы такое могущество было сосредоточено в одном человеке..." Он слегка покачал головой, и голос его понизился, словно он говорил сам с собой. "Возможно, будет разумнее просто убить тебя сейчас, чтобы никто не смог получить эти знания, как я сделал это раньше".

Инстинкты побуждали меня отступить назад и принять боевую стойку, но я остался на месте.

Комната замерцала, свет слегка подпрыгнул, и Кезесс больше не стоял передо мной. Я повернулся и увидел, что он стоит в десяти шагах позади меня, а его глаза пылают аметистовым цветом от моих эфирных молний.

"Джинн, который рассказал мне о Судьбе, рассказал мне еще кое-что". Кезесс, казалось, весь трещал от силы - давления, не связанного с его Силой Короля, созданной в мавзолее. Остальные драконы, казалось, на мгновение замерли, их взгляды были тщательно отведены, а лица пусты. "Небольшая фракция откололась и пытается вернуть себе это знание, которое, по его словам, было заперто".

"Как ты думаешь, мог ли один из этих джиннов взять ключевой камень?" - спросил я, сдерживая напряжение в голосе.

"Возможно, но никаких признаков этого мне не попадалось. Если они это сделали, то искомым камень, скорее всего, сгорел вместе с их миром". Кезесс слегка покачал головой. "Возможно, это и к лучшему".

Я стоял как громом пораженный. Я был так уверен, что его забрал какой-то агент Агрона, один из тысяч и тысяч вознесенных, которых он отправил на смерть в Реликтомбах. Неужели ответ все это время находился у меня под носом?

В конце концов, кто приютил мятежных джиннов, в то время как остальные их сородичи продолжали свою работу, даже когда драконы сожгли их цивилизацию дотла?

"Сильвия сама наставила меня на этот путь", - наконец ответил я, глядя на ее фотографию и пытаюсь совместить лицо женщины с тем, кого я знал. "Она посчитала это настолько важным, что вложила в мое ядро знание о том, как найти руины, в которых находятся эти ключевые камни".

"У моей дочери было много странных и, в конце концов, неудачных идей", - спокойно сказал Кезесс, и его агрессия исчезла так же быстро, как и появилась. "Не забывай, что именно неосознанная любовь к такому жестокому и злобному существу, как Агрона, привела ее к гибели. Но я думаю, что на сегодня мы закончили. Однако перед церемонией, возможно, ты захочешь... освежиться". Его взгляд скользнул по моей одежде, которая все еще была испачкана после предыдущей битвы. "После церемонии Виндсом вернет тебя Дикатену, а я прослежу, чтобы Хранитель Чарон уделял особое внимание защите твоего народа в будущих стычках".

После того как меня отвели в ванную и выдали сменную одежду в виде идеально сшитого костюма из какой-то мягкой черной ткани, которую я не смог распознать, я вернулся в мавзолей. Он был очень мрачным, как лес в сумерках после полного преобразования. После того как гробницы и скульптуры были скрыты завесами цветущих лиан, оставшееся пространство стало меньше и более личным. На богато украшенных столах стояли золотые подносы с едой и бутылками и бочками с напитками. Между бочонками, как ряды маленьких солдатиков, стояли золотые кубки, а за каждым столом сидел слуга.

У подножия погребального корыта дракона был установлен алтарь, на котором стояла неглубокая чаша с маслянистой красной жидкостью. В центре чаши горело горько-сладкое благовоние, испуская тонкие клубы дыма.

Виндсом стоял у двери, словно ожидая моего прихода. Его военная форма выглядела еще более четкой, чем обычно, а в глазах пришельца читалась нечитаемая тяжесть. Он жестом пригласил меня войти.

"Еще раз здравствуй, Артур", - начал он, его голос был четким и лишенным каких-либо эмоций. "Лорд Индрат просил, чтобы ты занял это почетное место вместе со мной. Поскольку это церемония возвращения, и проводит ее лорд Индрат, мы выступаем в роли его посланников, первыми приветствуя всех собравшихся".

Несмотря на свое удивление, я встал рядом с Виндсом. Мое появление было своевременным, так как первый гость вошел в дверь всего через минуту или две.

Чернобородый дракон, участвовавший в битве, при виде меня опустился на полшага, поднеся руку к щеке. Физического следа от моего удара не осталось, но, очевидно, душевный шрам был еще свеж. Он оставил свои доспехи и появился в прекрасном черном костюме, похожем на мой собственный.

"Добро пожаловать, Сарваш из клана Матали", - сказал Виндсом, протягивая обе руки.

Дракон Сарваш обхватил правую руку Виндсома обеими руками. Затем левая рука Виндсома

прижалась к тыльной стороне правой руки Сарваша.

Они продержались в этой ритуальной позе несколько секунд, а затем разошлись.

Позади Сарваша, взявшись за руки, шла вторая выжившая после битвы в Сапине. Она также оставила свои ярко-белые доспехи, щит и копье и теперь заплела волосы в длинную косу по левому боку, резко контрастирующую с темным траурным платьем.

Мужчина, державший ее за руку, был немного ниже ее ростом и гораздо круглее. Его волосы были серо-русыми, слегка поредевшими на макушке. Он был чисто выбрит, под серыми глазами виднелись пухлые щеки. С его крупной фигуры свисала мешковатая черная ткань.

"Добро пожаловать, Анакаша из клана Матали", - сказал Виндсом, протягивая женщине руки.

"Виндсом из клана Индрат. Для человека такого ранга большая честь приветствовать возвращение моей погибшей сестры в Эфеот. От имени моего клана и друзей клана благодарю тебя".

"Это честь для меня", - торжественно ответил Виндсом.

В это время Сарваш потянулся к моим рукам, его ноздри раздувались, а взгляд был устремлен не на меня, а на пол. Подражая Виндсому, я взял его за руки. Он почти сразу же отпустил меня и прошел в мавзолей, где один из многочисленных слуг Кезесса проводил его к постаменту, стоявшему в центре зала.

Анакаша, сестра-близнец покойного дракона, переместилась от Виндсома ко мне.

В отличие от Сарваша, она держала мой взгляд с убийственной силой, пока мы повторяли формальное приветствие.

"Сожалею о вашей утрате", - утешительно сказал я.

Между ее бровями образовалась тонкая линия, и она слегка нахмурилась, а затем отстранилась.

Рядом со мной Виндсом представлял третьего асуру. "Добро пожаловать, лорд Анкор из клана Матали".

Они обменялись формальным рукопожатием, а затем он встал передо мной. Он машинально протянул руки, казалось, не обращая на меня никакого внимания, за исключением самого факта моего присутствия. Мы пожали друг другу руки, но его взгляд с красной каемкой так и не встретился с моим, а когда через пару секунд он отвернулся, то смотрел вокруг, как потерянный, пока Анакаша снова не взяла его за руку. Другой дракон поклонился им, а затем последовал за Сарвашем и другим.

После этого прибыло еще несколько драконов: одни представлялись как члены клана Индрат, другие - как члены клана Матали. Было несколько драконов из других кланов и даже из нескольких пантеонов, но не было ни одного представителя клана Тайстес, включая Кордри.

Я понял, что мысли мои уплывают. Мой курс после Эфеота все еще не был ясен, и это решение тяготило меня. Добраться до Олудари до того, как Виндсом унесет его обратно в Эфеот, было крайне важно, но ключевой камень был еще более важен, и это был, пожалуй, первый случай, когда у меня была реальная зацепка, пусть и поверхностная. Несмотря на это, я был разлучен

со своими спутниками и семьей, и мне все сильнее хотелось воссоединиться и с ними. Но решение нужно было принимать, и очень срочно.

"Приветствую вас, Лорд Экклея, представитель расы левиафанов среди Великой Восьмерки".

Я машинально потянулся к следующей паре рук, потом увидел, кому пожимаю руку, и мое внимание вернулось в настоящее. Человек, стоявший передо мной, отличался от драконов так же, как гном от эльфа. У него была бледная кожа, такая светлая, почти голубая, и такие морщины, что на вид ему было лет сто. А значит, ему, скорее всего, во много раз больше. Вдоль висков шли гребни, открытые, как жабры, а под ними - молочно-белые глаза.

Его руки были холодны по отношению к моим, но хватка была твердой и уверенной. "А, мальчик Лейвин. Наконец-то".

"Добро пожаловать, Леди Зелина из клана Экклея", - сказал рядом со мной Виндсом, взяв за руку грозную на вид женщину.

Она была похожа на старика: аквамариновая кожа потемнела до темно-синего цвета в районе гребней на висках. Волосы цвета морской волны росли как ирокез и парили над ней, как будто она стояла под водой. Мрачное одеяние и столь же мрачное выражение лица говорили о том, что она пришла либо оплакать павшего дракона... либо устроить драку.

Когда ее грозные голубые глаза обратились ко мне, я вполне ожидал последнего.

Правая рука Лорда Экклея отпустила мою, и его рука с неожиданной фамильярностью обвилась вокруг моего плеча. "Позвольте представить вам мою дочь, Зелину. Зели, это Артур Лейвин. Человек! Они родом из страны Дикатен, если ты не знала. Очаровательно, не правда ли?"

Зелина отпустила Виндсома, как будто его руки были измазаны фекалиями, и, скрестив руки, промурлыкала. "Я достаточно хорошо знаю, кто он такой, отец". Мышцы на ее челюсти дернулись. "Низший, который убил Алдира..."

Виндсом прочистил горло. "Прошу вас, будьте так добры, пройдите в мавзолей. Там, как вы видите, находится клан Матали, если вы захотите выразить свои соболезнования".

Светлоглазая молодая служанка поклонилась и протянула руку Зелине, но та проигнорировала ее, предпочтя навязать фальшиво сладкую улыбку на своих фиолетовых губах. "Конечно. Спасибо, Лоатсом...то есть Виндсом. Прости мне мой заплетающийся язык, это долгий путь к горе Геолус". Улыбка сползла с лица, она окинула меня яростным взглядом и, не дожидаясь слуги, устремилась к лорду Матали.

Тем временем Лорд Экклея все еще держал руку на моем плече. "О, не беспокойся о ней, Артур. Внешне она обижена на тебя? Да, но поскольку ты казнил мужчину, за которого она надеялась выйти замуж, я уверен, ты понимаешь, почему. Будучи великодушным, вы не станете держать на нее зла. Кроме того, я сильно сомневаюсь, что она проведет по вам чем-нибудь, кроме своих глаз".

"Что?" Я моргнул, глядя на асуру.

"Ах, но, хотя мы с Алдиром были старыми друзьями, я слишком долго руководил своим народом, чтобы не понимать такой необходимости". Лорд Экклея сделал паузу и посмотрел на меня со знанием дела, его нос находился в нескольких дюймах от моего. "Но не будем больше

говорить об этой печальной истории, ведь мы собрались здесь, чтобы поддержать не клан Тайстес, а лорда Матали и его народ". Он дружески сжал мое плечо. "Пойдем, присоединись ко мне, и я научу тебя традиционным траурным словам нашей расы".

"Боюсь, я не могу, милорд. С моей стороны было бы нечестно отказываться от своих обязанностей..."

"О, я полагаю, мы последние", - радостно сказал Лорд Экклея, отводя меня от Виндсома.

Но мы не стали подходить ни к лорду Матали, ни к его дочери, ни даже к костелу в центре зала. Вместо этого мы обошли основную массу присутствующих и направились в дальний угол зала. Как только мы оказались там, его тонкая, но сильная рука соскользнула с моего плеча. Я обвел взглядом зал, но никто не обратил на нас внимания, за исключением, пожалуй, Зелины: мне показалось, что она отвернулась как раз в тот момент, когда я повернулся.

"Что тебе от меня нужно?" - тихо спросил я. Спросил я негромко, достаточно тихо, чтобы нас не могли легко подслушать. "Я встречал достаточно асур, чтобы понять, что этот старый добрый дядюшка - всего лишь пантомима, разыгранная для того, чтобы ослабить мою бдительность".

Левиафан тепло улыбнулся. "Я не виню тебя за то, что ты так думаешь. Действительно, проведя все свое время с такими представителями клана Индрат и даже с Вреном Кайном IV, вы вряд ли пришли бы к какому-то другому выводу. Но, уверяю вас, я не склонен выставлять себя в ложном свете ни перед вами, ни перед кем-либо другим. Я слишком стар для этого, и это не в характере левиафана. Именно поэтому Зелу - простите меня, Зелина, - будет очень трудно внешне не показать своего желания поковыряться в ваших костях".

Я издал удивленный смешок, затем протрезвел. "Неужели они с Алдиром действительно...?"

Лорд Экклея ласково улыбнулся, но я уловил в этой улыбке язвительный уклон. "А, ну, возможно, все было гораздо сложнее, но я не буду рисковать ее гневом, рассказывая об этом дальше. Мы, левиафаны, уже очень давно не придерживаемся традиции, согласно которой власть передается молодым, способным убить и поглотить своего родителя, но мне бы не хотелось давать своей дочери повод воскрешать эту традицию". Его глаза заблестели, а улыбка смягчилась. "Простите меня. Я просто хотел удовлетворить свое любопытство по поводу низшего, связанного с драконом и одаренного асурским телом. И все это при том, что у него нет подписи маны, совсем нет. Ты - самая интересная разработка, пришедшая из старого мира за долгое-долгое время".

"Старый мир?" спросил я.

"Возможно, большинство не считает его таковым". Одна сторона его безбрового лба наморщилась. "Но большинство асур вообще не думают о нем - или о тех, кто там живет, - несмотря на связь, которая до сих пор связывает наш мир с вашим. Но не будем об этом. Лорд Индрат скоро прибудет".

Он протянул руку ладонью вверх. На ладони лежали три маленькие ярко-синие жемчужины. Когда я позволил перекатить их в свою руку, я понял, что они наполнены жидкостью. "Подарок клана Экклея клану Лейвин. Слезы Матери... или траурный жемчуг, если хотите. Мощные эликсиры".

"Благодарю вас, Лорд Экклея", - сказал я, перекатывая жемчужины размером с мрамором на ладони и наблюдая, как пузырится внутри ярко-синяя жидкость, смещаясь.

"Верун. Давай оставим "Лорд" для встреч Великой Восьмерки, хорошо?"

"Спасибо, Верун. Но мой... клан не сделал ничего, чтобы заслужить такой подарок", - сказал я, пытаюсь вернуть их обратно.

"Это не дар, который нужно заслужить", - ответил он, делая полшага назад. "Это дар уважения, признания. Такие вещи нужно дарить, верно?"

Не успел я ответить, как раздалась вспышка маны и на меня внезапно навалилась тяжесть. Оглянувшись, я сразу же обнаружил, что Кезесс стоит рядом с постаментом, спиной ко мне. Давление сразу же ослабло.

"Спасибо всем, кто пришел", - сказал он, когда все взгляды обратились к нему. "И спасибо клану Матали за то, что позволили клану Индрат провести эту церемонию возвращения. Это трагедия беспрецедентного масштаба, когда воина-дракона забирают раньше положенного срока. И в то же время мы чествуем тех, кто жертвует собой, защищая свой клан, свою расу и свой дом, как это сделала Авхилаша, столкнувшись с воинами нашего старейшего врага, Агроны Вритры".

При имени Агрона раздалось враждебное бормотание.

"А теперь присоединитесь ко мне и выразите свое уважение к павшим. Помажьте себя кровью ее сердца, чтобы в этот миг мы все стали одним кланом, кланом асур, связанным вместе отныне и до бесконечности, единым родом в нашей памяти".

Кезесс подошел к передней части кургана и окунул два пальца в красную жидкость. Он дотронулся кончиками пальцев до своего виска, а затем плеснул последние несколько капель на белые доспехи погибшего дракона. Отойдя в сторону, он склонил голову.

Анакаша шагнула вперед. Опустив пальцы, она коснулась уголка правого глаза, и по щеке потекла красная слеза. Затем она тоже смахнула несколько багровых капель на доспехи сестры и встала рядом с копьём, положив на него руки.

Лорд Анкор подошел к чаше, но так и остался стоять, а благовония медленно поднимались, обрамляя его лицо. Выждав несколько секунд, Сарваш шагнул вперед и помог необычному дракону обмакнуть пальцы. Тот бессистемно размазал вещество по лицу, а затем стряхнул остатки на алтарь вокруг чаши. Сарваш быстро совершил свое собственное послушание, и они вместе двинулись к Анакаше.

Я почувствовал, как рядом со мной склонился Лорд Экклея. "Иди. Они все будут ожидать, что откажешься от этого ритуала или пройдешь его в самую последнюю очередь в соответствии с твоим положением как низшего. Это подчеркнет, что ты здесь как равный, чтобы проявить уважение к мертвым, если ты не будешь ждать".

Не видя причин, по которым старый левиафан мог бы ввести меня в заблуждение, я присоединился к начинающей формироваться очереди. Несколько драконов бросили на меня удивленный взгляд или переглянулись, но никто не стал препятствовать моему присутствию.

Когда подошла моя очередь, я обмакнул три пальца в жидкость - она была густой и маслянистой на ощупь - и провел ими по закрытым глазам, как боевой раскраской. "Я не слеп к твоей жертве", - тихо сказал я, повторяя слова, сказанные ее сестре. На периферии зрения я увидел, как сузились глаза Анакаши, внимательно наблюдавшей за мной.

Осторожно стряхнув последние капли мази на доспехи Авхилаши, я отошел в сторону и встал рядом с Кезессом, так же склонив голову.

Ритуал продолжался до тех пор, пока каждый не помазал и себя, и покойного. К концу ритуала ее доспехи были так забрызганы красными точками, что казалось, будто она только что вернулась с поля боя.

После помазания начиналась панихида. Оно соответствовало своему названию: пересказ жизни Авхилаши ее кланом, семьей, тренерами и друзьями. Один из старейшин шутил, что она вылупилась с копьем в руке, а молодой дракон рассказывал, как она тренировала его каждый день в течение сорока лет подряд, и что бы он ни делал, он никогда не мог отстать. Ее сестра рассказала о том, как они бесконечно соперничали за уважение родителей и повелителя, а затем поведала об их совместной охоте, когда им было всего по семьдесят лет, и о том, как сестре удалось и спасти свою жизнь, и убить семиглавого змея, не получив ни одной раны.

В течение последующих двух часов были рассказаны эти и многие другие истории, некоторые из них были забавными, другие впечатляющими и даже поразительными, но все они носили оттенок грусти и утраты.

Когда все было закончено, Кезесс снова встал перед кузовом. "И вот мы вспоминаем павшую воительницу, ее великие и малые деяния, ее образ в наших общих жизнях, сплетенных кровью ее сердца. Прошу вас, оставайтесь здесь столько, сколько пожелаете, питайте свое тело нашей едой и питьем, свой разум - беседой, а свой дух - общей скорбью".

Негромкий гул разговоров, последовавший за его словами, был похож на заунывный рев после торжественной сосредоточенности предыдущего рассказа.

Я заметил, что несколько асуров сразу же направились к клану Матали и передали ряд мелких предметов. Подарки, как я и ожидал. Потянувшись в карман, я покатал три жемчужины, удивляясь. Тайком брошенный взгляд на Лорда Экклея, который пробовал какое-то свернутое и перекрученное морское существо, не усилил моего внезапного подозрения.

Как он там сказал? "Такие вещи должны быть подарены". Левиафан, конечно, должен был знать о подарках. Неужели он правильно предположил, что я не знаю, и заранее подготовил меня к этому? Но почему? Разве это было бы оскорблением - отдать то, что он мне дал? Я еще раз обдумал слова и принял решение.

Когда четырехглазый пантеон отошел от Анакаши, я подошел к нему. "Леди Матали", - трезво сказал я, доставая из кармана три шара. Я сжал их в обеих руках и слегка поклонился, протягивая их. "Жертва вашей сестры была принесена ради моего народа. Я знаю, что-то, что я даю тебе сегодня взамен, не идет ни в какое сравнение с жертвой клана Матали, но я хочу, чтобы у тебя было это: три Слезы Матери, чтобы отметить этот день траура".

По всему мавзолею пронесся ропот, но высокая асура лишь потрясенно смотрела на мое подношение.

Лорд Анкор протянул руки, но не взял их. Вместо этого он закрыл жемчужины в моих руках и улыбнулся мне дрожащей улыбкой, в глазах его блестели слезы, которые еще не успели появиться.

Сарваш выглядел бледным и подавленным. Сама Анакаша была неразборчива, взгляд ее был отрешенным. Никто ничего не сказал, и я с жемчужинами в руках поклонился еще глубже, отступил назад и отвернулся, не зная, правильно ли я понял ситуацию. Но, повернувшись, я на

мгновение поймал взгляд старого левиафана, и он подмигнул мне, прежде чем засунуть шампур в рот.

Мне стало не по себе, и я отошел подальше от толпы, раздумывая, не вернуть ли ему подарок Лорда Экклеи. Когда я вновь оторвал взгляд от жемчужин, левиафан уже исчез.

Не найдя его в толпе, я направился к краю темной завесы, скрывающей гробницы Индрата. Мой разум пытался понять, почему Верун сделал мне такой ценный подарок. Не давая себе опомниться, я наложил на руку руны внепространственного хранения и отправил жемчужины внутрь, не желая, чтобы с ними что-нибудь случилось.

Память.

Еще один предмет из моей руны хранения позвал меня. Я почувствовал, как меня захлестнула волна сентиментальности, но не стал сразу вынимать предмет. Оглядевшись по сторонам, я убедился, что никто не обращает на меня внимания, и, пробравшись сквозь лианы с черными цветами, оказался в небольшом алькове с другой стороны.

Я выдохнул, сам не понимая, что сдерживал дыхание, и плечи мои расслабились. Шум приглушенных разговоров стал глуше, жгучее ощущение от множества взглядов, следящих за мной, остыло, и я позволил себе погрузиться в уединение, сбросив с себя, как плащ, обязательную благородную личину.

Леди Сильвия Индрат наблюдала за мной со своего портрета на стене.

Я извлек ее ядро, осторожно взяв его в обе руки. В нем не осталось ни эфира, ни маны. Ни послания, ни намек на то, как продолжить. Это был просто пустой, высохший орган умершего дракона. Вскоре и асура, лежащая на одре в тридцати футах от него, станет не более чем этим органом. Но она была. Я слышал ее истории, видел ее жертвы. Несмотря на свой гнев по поводу того, что драконы не смогли защитить людей на этой горе, я признавал, что они были готовы отдать свои жизни ради борьбы с Призраками.

Ядро в моих руках не было Сильвией, так же как копье и щит, лежащие рядом с Авхилашей, были ею. Я все еще не мог понять, что имел в виду Нико, посылая его мне, но был уверен, что он и сам не знает. Он судорожно пытался сделать все возможное, чтобы помочь Сесилии.

Совсем как на Земле.

Я закрыл глаза, наклонился вперед и прижался головой к шершавой поверхности ядра. Я не присутствовал на церемонии ее поминовения - даже не знал, проводил ли ее Кезесс, - но она заслуживала чего-то, пусть даже самого малого.

Спереди в сияние были вставлены дверцы, в которых стояли серебряные свечи. Я открыл их, и внутри оказалась небольшая чаша, наполненная маслянистой красной жидкостью. Из центра чаши торчал пустой держатель для благовоний. Осторожно окунув туда кончик одного пальца, я закрыл глаза и прижал его ко лбу между бровями.

"Ты открыла мне глаза на жизнь, которую мне еще предстояло прожить. Ты дважды уберегла меня от слишком ранней смерти. Ты доверила мне видение будущего, до которого ты не дожил. И, - мой голос стал грубее, - самое главное, ты приняла меня в свою семью, как по имени, так и по сути". Я позволил одной капле мази капнуть на сердцевину и аккуратно поставил ее на подставку для благовоний. "Мне жаль, что Сильви не может быть здесь, но я приведу ее когда-нибудь. Когда она будет в безопасности".

Я осторожно закрыл двери и встал, оставив ядро на плече. Глаза портрета, казалось, следовали за мной, прекрасно передавая ту непостижимую глубину понимания, которую Сильвия отражала при жизни.

Сглотнув подступившие к горлу эмоции, я пробрался сквозь лианы и встретился взглядом с голубыми глазами Зелины, стоявшей в нескольких футах от меня. Она нахмурилась и отвернулась.

<http://tl.rulate.ru/book/114117/4366025>